DOI: 10.17976/jpps/2021.04.11

ВЫЗОВ ПАНДЕМИИ COVID-19 И РЕЛИГИЯ: ОНТОЛОГИЯ VS ПОЛИТИКА

М.М. Мчедлова, Д.Б. Казаринова

МЧЕДЛОВА Мария Мирановна, доктор политических наук, зав. кафедрой сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов; главный научный сотрудник Центра "Религия в современном обществе", Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, email: mchedlova-mm@rudn.ru; **КАЗАРИНОВА Дарья Борисовна,** кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов, Москва, email: kazarinova-db@rudn.ru

Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б. Вызов пандемии COVID-19 и религия: онтология vs политика. – Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 148-162. https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.11

Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ-ЭИСИ № 20-011-3177 "Религиозные институты в эпоху общественных потрясений: стратегии, трансформация легитимации, ожидания общества".

Статья поступила в редакцию: 02.03.2021. Принята к публикации: 29.05.2021

Аннотация. Пандемия COVID-19 привлекла особое внимание к религии, обозначив изменения глубинных основ присутствия религиозных смыслов и религиозных институтов в публичных пространствах, прежде всего способов их легитимации, нормативную неопределенность, возникновение новых практик и структур религиозности, разновекторности и даже диаметральной противоположности общественных ожиданий. В рефлексивных поисках ответа на вызов COVID-19 звучит скорее полемика, чем интерпретативная инструментализация, в политической прагматике наблюдается скорее вторжение политики в ранее закрытую для нее собственно религиозную сферу, чем формулирование принципов нового статус-кво светского и религиозного. Пандемия, несущая параметры предельности, актуализировала соотношение современного и традиционного, переводя данную проблему в сферу границ применимости возможностей онлайн-технологий, размывающих и изменяющих саму сущность традиционных религиозных практик и устоев. В возникающих новых многочисленных референтах уже улавливается логика возможных трансформаций, расщепление возможностей будущего, а также потребность в новом инструментарии: высветившаяся гетерогенность внутри Церкви и в пространстве ее сторонников ставит под сомнение традиционную социологию религии, настойчиво предлагая обратить внимание на приобретающие актуальность подходы из других областей религиоведческого знания. Религиозные институты демонстрируют размывание непосредственной субъектности, одновременно неопределенность имплицирует дрейф к различным тактикам отдельных их представителей, ставя вопросы об онтологии и устойчивости. Диверсификация и неоднозначность стратегий поведения в России религиозных институтов, религиозных лидеров и практик актуализируют пул тенденций, приводящих к возможностям перераспределения баланса между религией, обществом и политикой, между верой и институтами, между аксиологией и прагматикой современности. Методологический посыл статьи отталкивается от признания многомерности множественности форм присутствия религии, несводимых к единой объяснительной схеме, актуализирует и дополняет многие ставшие неэффективными концепции общественного развития, имеющие линейный характер. Для верификации спекулятивных положений авторы обратились к эвристическому потенциалу дискурс-анализа, а также к формированию референтной базы событийного ряда.

Ключевые слова: большой вызов, COVID-19, пандемия, религиозные институты, религиозные практики, государственно-конфессиональные отношения, виртуальная религия, онлайн-религия, трансформация религиозности, РПЦ, религиозные лидеры.

Вызов пандемии COVID-19, способный переформатировать политические конструкции мира и властно-институциональные параметры, перевел дискуссии о неопределенности настоящего и будущего в разряд атрибутов "дивного нового мира", поставил вопрос об эффективности политических систем и институтов, конкурентности и адаптивности ценностных и мировоззренческих конструкций, идеологических и политических стратегий и практик. В гуманитарной рефлексии и общественном сознании пандемия была воспринята как событие, которое довершит начавшийся кризис либерализма, разоблачит "цивилизацию блефа" [Капустин 2020], ускорит "мироперехода" [Цыганков 2020], обернет вспять глобализацию[1], задаст координаты совершенно новой экономической, социальной[2] и политической реальности[3]. Апокалиптические ноты звучат в сравнении сложившейся ситуации с мировой войной не столько по количеству жертв (об их числе говорить еще рано), сколько по влиянию на последующее развитие человеческого сообщества. Гносеологически предельным представляется вопрос, в зависимости от ответа на который предлагаются теоретические подходы: COVID-19 – это "классический черный лебедь" (Н. Талеб) или точка бифуркациии? В последнем случае логичен вопрос о возможном аттракторе последующих изменений, в том числе в пространстве религии[4]. Отсутствие эпистемологического консенсуса или хотя бы общего теоретического знаменателя, направленность универсальной объяснительной схемы после потери секулярной парадигмой монополии на описание реальности заставляют обращаться прежде всего к набору референтной базы – фиксировать событийный ряд, дискурсивные особенности, изменение практик.

Как в метафизическом, так и в практико-инструментальном плане встал вопрос о судьбе религиозных институтов, их ресурсной базе, целеполагании и легитимности в мире после COVID-19, что актуализирует поиск управленческих стратегий в возможном новом дизайне светских и религиозных институтов. Одновременно поколеблена универсальная действенность традиционной социологии религии: в период пандемии развивалось "российское православие как гражданский институт с естественным плюрализмом мнений. Между тем именно эта реальность оказалась непонятной и немыслимой для значительной части общества" [Лункин 2020: 549].

---

[1] Фарелл Г., Ньюман А. Остановит ли коронавирус глобализацию в привычном понимании? – *Россия в глобальной политике.* 18.03.2020. URL: https://globalaffairs.ru/articles/ostanovit-li-koronavirus-globalizacziyu-v-privychnom-ponimanii/ (accessed 22.05.2021).

[2] Крастев И. Семь первых уроков глобального коронавирусного кризиса. 24.03.2020. URL: https://globalaffairs.ru/articles/sem-urokov-koronakrizisa (accessed 22.05.2021).

[3] Кэмпбелл К., Доши Р. Коронавирус переформатирует глобальный порядок. – *Россия в глобальной политике.* 20.03.2020. URL: https://globalaffairs.ru/articles/koronavirus-pereformatiruet-globalnyj-poryadok/ (accessed 22.05.2021).

[4] Теоретическое осмысление пула проблем, связанных с наметившимися тенденциями в религиозной сфере, было тематикой секции "Перезагрузка религиозности: необратима или подлежит восстановлению?", прошедшей 20 мая 2021 г. в рамках XI Международной Грушинской социологической конференции "2021: Пересборка социального, или насколько дивным будет новый мир?". URL: https://conf.wciom.ru/program/section/?uid=10 (accessed 22.05.2021).

Поиск гносеологических и онтологических параметров вызова пандемии COVID-19 и связанных с ним трансформаций стал лейтмотивом философских дискуссий ведущих европейских интеллектуалов вокруг полемики с итальянским философом Дж. Агамбеном, которой заявляет, что происходит нормализация чрезвычайного в парадигме современного управления[5]. Ввиду того, что терроризм, легитимировавший такое управление с 2001 г. как оправдание применения исключительных мер, исчерпан, пандемия – новый идеальный предлог[6]. С. Жижек размышляет, как пандемия влияет на идентитарные процессы: такие политические решения, как закрытие границ, позволяют "поместить в карантин врагов, которые представляют угрозу для нашей идентичности"[7]. С одной стороны, коронавирус усугубил давно наметившиеся расколы, в том числе и в глобальной политике, о чем свидетельствуют взаимные обвинения США и Китая в распространении эпидемии, политизация создания и применения вакцин. С другой стороны, пандемия обладает потенциалом общей экзистенциальной угрозы, которая помогла бы человечеству осознать свою общность и уязвимость и начать путь к прекращению масштабного противостояния. Это подтверждает и риторика священнослужителей в публичном пространстве, связанная с религиозными и эсхатологическими и ценностными смыслами[8]. Концептуальная логика "без глобальной угрозы нет глобальной солидарности" выливается в признание "нам нужна катастрофа", чтобы переосмыслить "грехи мира" и создать новый, пересекаясь с христианским пониманием онтологии истории. В эпоху пандемии именно традиции и ценностные конфигурации стали центром общественных страхов, дискуссий, надежд, поисков выхода. Неслучайно религия, вера и вероучение, культ и коллективные религиозные практики в их наполненности сакральными и трансцендентными смыслами, фиксации в Священном Писании и Священном Предании стали объектами пристального внимания политиков и общества, стимулируя новые теоретические поиски [Религия... 2021: 15].

КОРОНАВИРУС И РЕЛИГИОЗНОСТЬ: ОТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ К ПОЛИТИЧЕСКИМ ТРЕЩИНАМ РЕЛИГИОЗНОСТИ

Сфера религии, ее взаимоотношение с политическим и властным пространством становится одним из аттракторов теоретической рефлексии. Постструктуралистское видение, озвученное Дж. Батлер, делает акцент на способности распространения коронавируса провоцировать в человеческом сообществе масштабную дискриминацию по материальному, расовому, этническому, гендерному и религиозному признакам[9], тогда как А. Бадью видит в корона-

[5] Agamben G. La invención de una epidemia. – *La Sopa de Wuhan: pensamiento contemporáneo en tiempos de pandemia*. 2020. P. 18. URL: https://www.elextremosur.com/files/content/23/23684/sopa-de-wuhan.pdf (accessed 22.05.2022).

[6] Ibid. P. 19.

[7] Žižek S. Coronavirus es un golpe al capitalismo al estilo de 'Kill Bill' y podría conducir a la reinvención del comunismo. – *La Sopa de Wuhan: pensamiento contemporáneo en tiempos de pandemia*. 2020. P. 21.

[8] Наглядным примером является энциклика папы Франциска Fratelli tutti от 3 октября 2020 г., акцентирующая проблему солидарности и преодоления различных конфликтов. См.: Lettera Enciclica. Fratelli tutti Del Santo Padre Francesco Sulla Fraternità E L'amicizia Sociale. – *La Santa Sede*. 2020. URL: http://www.vatican.va/content/francesco/it/encyclicals/documents/papa-francesco_20201003_enciclica-fratelli-tutti.html (accessed 28.05.2021).

[9] Butler J. El capitalismo tiene sus límites. – *La Sopa de Wuhan: pensamiento contemporáneo en tiempos de pandemia*. 2020. P. 60. URL: https://www.elextremosur.com/files/content/23/23684/sopa-de-wuhan.pdf (accessed 22.05.2021).

кризисе угрозу рациональности Модерна: эпидемия повсеместно растворяет внутреннюю активность разума, она заставляет обращаться к средневековой мистике, сказкам, молитвам, пророчествам и проклятиям, как во времена чумы[10]. Подтверждением выступает масштабное распространение эсхатологических настроений и конспирологических идей[11] с религиозными коннотациями: "ковид-диссидентство", зародившееся в России в церковной среде, религиозно-мистические и эсхатологические настроения, политизация которых секьюритизирует религиозную сферу и повседневные практики [Религия... 2021]. По утверждению Д. Эрвье-Леже, "сила религиозной веры прямо пропорциональна уровню неуверенности, который вызван скоростью перемен во всех сферах общественной жизни. В то же время мы знаем, что эта самая религиозная вера теперь все труднее вписывается в догматические рамки институциональных религий" [Эрвье-Леже 2015: 255]. Ту же мысль проводят Г. Линдквист и Д. Хендельман, когда подчеркивают парадоксальность происходящих изменений: западные общества становятся более секулярными, в то время как их члены, индивиды – более религиозными [Lindquist, Handelman 2011]. Об этом же говорит и Г. Дейви: европейцы становятся менее воцерковленными, но от этого не менее, а может быть, и более религиозными [Davie 2007]. В России, согласно лонгитюдным исследованиям Исследовательского Центра "Религия в современном обществе" ФНИСЦ РАН, также четко обозначилась тенденция снижения количества последователей институционализированных конфессий (прежде всего православия) и перетекание верующих в группу внеконфессиональных верующих, "верящих в высшие силы, но ни к какой конфессии не принадлежащих". Именно данная группа представляется будущим объектом самого пристального внимания философов, антропологов и социологов религии.

Вероятно, с этим связано отсутствие в России массового притока новых последователей в лоно традиционных религий в условиях пандемии COVID-19. Общество, государство и Церковь внезапно оказались в ситуации дробления общества (прежде всего верующих и воцерковленных сегментов) на группы, различия между которыми говорят о поляризации форм отношений религиозных институтов и верующих: вовлеченность, диффузия, разделение в зависимости от лидера, отторжение, падение доверия. Можно зафиксировать произошедший раскол: у тех, кто верил, вера стала сильнее, а у тех, кто не верил или идентифицировал себя с последователем религии по принадлежности к определенной культурной традиции, обозначилась тенденция обвинения и формулирования претензий к церковным институтам. В подтверждение тенденции, порожденной именно ситуацией пандемии, можно привести данные исследования *Pew Research Center*[12] (20-26 апреля 2020 г., $N = 10\,139$), согласно которому самооценка укрепле-

[10] Badiou A. Sobre la situación epidémica. – *La Sopa de Wuhan: pensamiento contemporáneo en tiempos de pandemia*. 2020. P. 70. URL: https://www.elextremosur.com/files/content/23/23684/sopa-de-wuhan.pdf (accessed 22.05.2021).

[11] Проблеме усиления конспирологических настроений посвящен ряд исследований, в которых акцент делается на возможных стратегиях борьбы с негативными последствиями теорий заговора и рассматриваются некоторые открытые вопросы для исследования теорий заговора COVID-19, в центре внимания которых потенциальное влияние теорий заговора на групповые процессы и межгрупповые отношения. См., например, [Douglas 2021].

[12] Few Americans Say Their House of Worship Is Open, but a Quarter Say Their Faith Has Grown Amid Pandemic. – *Pew Research Center*. URL: https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/04/30/few-americans-say-their-house-of-worship-is-open-but-a-quarter-say-their-religious-faith-has-grown-amid-pandemic (accessed 28.05.2021).

ния религиозной веры была наиболее выраженной в той части общества, которая с самого начала была достаточно религиозной. Аналогичный вывод о возможности кратковременного религиозного возрождения в драматических обстоятельствах сделан группой авторов из Миланского университета, выявивших четкую корреляцию между заболеваемостью COVID-19 и высокой религиозностью [Molteni, Ladini 2021]. В России запрет посещать храмы на Пасху 2020 г. в половине субъектов федераций еще больше увеличил разрыв между церковными "захожанами" и прихожанами и выплеснулся в политическую сферу. Если первые сполна удовлетворились форматом интернет-проповедей, то вторые открыто осуждали светские власти, запретившие посещение храмов и не позволившие отпраздновать торжество по всем канонам[13].

Помимо идеи, что коронакризис окажет влияние на онтологию, аксиологию и этику[14] человеческого общества, громко завили о себе представления о будущем в жанре антиутопий, став идейным мейнстримом в логике "COVID-19: великая перезагрузка" К. Шваба [Schwab, Malleret 2020], включающие параметры грядущего экономического кризиса и экономики будущего, трансформации различных сфер социального бытия, будущего политического управления и режимных трансформаций, неочевидного будущего глобального лидерства[15]. Данные процессы исторически основаны на религиозной составляющей, когда становление национального государства шло рука об руку с укреплением "национальной" церкви. В условиях ренационализации мировой политики и существенного политического крена вправо потенциально могут оказать влияние и политические конфигурации, и институциональный государственно-религиозный ландшафт.

ПОЛИТИКА ВНУТРИ ЦЕРКОВНОЙ ОГРАДЫ: ВОЗРАСТАНИЕ НАПРЯЖЕНИЯ

Пандемия обнаружила тенденцию, дополняющую многомерность присутствия религии "вне церковной ограды" в современном мире: четко высветилось форсированное вторжение государства и политики "внутрь церковной ограды", что заставило задуматься о новой конфигурации ценностного и институционального дизайна. "В это кризисное время перед нами стоят два особенно важных выбора. Один – между тоталитарным надзором и расширением прав и возможностей граждан. Второй – между националистической изоляцией и глобальной солидарностью"[16]. Первая дихотомия тесно связана с масштабным расширением влияния онлайн-реальности на человеческую жизнь, а проблемный, амбивалентный характер этой экспансии нашел отражение и в дискуссиях о будущем религиозной жизни. Речь идет не только о повышении интереса к методологическим рамкам теории "материальной религии", применяемой в антропологии и ставящей проблематику физических посредников взаимодействия с трансцендентным миром [Christianity and the Limits of Materiality 2017]; "виртуальной религии" [Смирнов 2019; Митрофанова 2019], но и о более глубокой проблеме

[13] Русская Православная Церковь в условиях пандемии SARS-COV-2. Аналитический доклад. – *Агентство стратегических коммуникаций*. URL: https://strategycom.info/wp-content/uploads/2020/06/russkaya-pravoslavnaya-czerkov-v-usloviyah-pandemii-sars-cov-2.pdf (accessed 28.05.2021).

[14] Барабанов О. Этика коронавируса: человечество делится на людей "первого" и "второго" сорта? – *Валдай*. 28.02.2020. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/etika-koronavirusa/ (accessed 22.05.2021).

[15] Шапиро Дж. Трансатлантические отношения и коронавирус. – *Россия в глобальной политике*. 23.03.2020. URL: https://globalaffairs.ru/articles/transatlantica-i-koronavirus/ (accessed 22.05.2021).

[16] Yuval Noah Harari: The World After Coronavirus. – *Financial Times*. 20.03.2020. URL: https://www.ft.com/content/19d90308-6858-11ea-a3c9-1fe6fedcca75 (accessed 22.05.2021).

"колебания" устоев существующих религий, нормативной неопределенности, изменяющей внутреннюю религиозную легитимацию. Столкновение между традицией и современностью в условиях пандемии поставило вопрос об изменении легитимации религии и религиозных институтов: наиболее ожесточенные дискуссии в российском общественном дискурсе велись вокруг непреложности коллективных обрядовых практик как подтверждающих абсолютную истинность и становящихся самодостаточными (прежде всего о способах принятия Святых Даров, онлайн-проповедях, использовании спирта для протирания икон и церковной утвари и пр.). Одновременно появились политизированные жесткие и фундаменталистские ответы: произошедшее нарушение баланса в администрировании иерархической структуры РПЦ вылилось в диверсификацию реакций и действий епископов в регионах, в оформившийся специфический идейный настрой части церковной иерархии: от ковид-диссидентства, широко распространившегося как в монастырской среде, так и среди епископата и духовенства, до крайних форм противодействия и неповиновения[17].

Столь остро воспринимаемый в России религиозный аспект пандемии, эмоциональные дискуссии, оценки и интерпретация сложившейся ситуации, возникающие новые многочисленные референты уже очерчивают, скорее еще пунктиром, логику возможных трансформаций, расщепление возможностей будущего, а также потребность в новом инструментарии: высветившаяся гетерогенность внутри Церкви, формы легитимации религиозной нормативности, параметры субъектности религиозных институтов, изменения сложившегося статус-кво в государственно-конфессиональных отношениях. В публичных сферах стали звучать громкие заявления о "фундаментальной схизме", "расколе", кризисе традиционных форм религиозности, границах "виртуальности" внутри церковной ограды. Легальная отмена посредством ограничений и запретов сакральных традиций и обычаев (т.е. непосредственное вторжение политики в ранее закрытую и охраняемую сферу) создала внутренние вызовы легитимности религиозных институтов. Наблюдаемая ситуация внутри РПЦ привела к использованию в общественном дискурсе исторически негативных понятий "раскол"[18] и "реформация"[19], когда речь шла о противостоянии официальной линии Церкви консервативно настроенных традиционалистов и начавшего все настойчивее выражать свою позицию либерального крыла. И вновь открылся смысл слов, которые были сказаны фарисеями про Христа: "Не от Бога Этот Человек, потому что не хранит субботы" (Ин 9:16).

Пик карантинных ограничений совпал с периодом Великого поста и Пасхи 2020 г. – временем наивысшего религиозного переживания и четко обозначил точки напряжения: множественность групп православных (среди них наиболее заметной в публичном поле оказалась группа, для которой церковная жизнь важнее иных форм социальности); переопределение статуса и роли РПЦ и ожиданий общества. Еще более ощутимым стало политическое на-

[17] Так, извергнутый из сана и отлученный от церкви основатель Среднеуральского женского монастыря схиигумен Сергий (Николай Романов) в апреле 2020 г. проклял всех, кто посягал на закрытие храмов из-за пандемии коронавируса.

[18] Мельников А. РПЦ переживает кризис лояльности. Празднование Пасхи в пустых храмах может стать переломным моментом в отношениях церкви и государства. – *НГ-Религии* 14.04.2020. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2020-04-14/9_485_crisis.html (accessed 22.05.2021).

[19] Лункин Р. Коронавирусная реформация. Карантин и самоизоляция приблизили религиозную жизнь к народу. – *НГ-Религии*. 14.04.2020. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2020-04-14/12_485_reformation.html (accessed 22.05.2021).

пряжение, возникшее вокруг позиции, стратегии и тактики Московского Патриархата и высшего священства, вызвавшего последствия от "епископада" до прямого включения РПЦ в политический арсенал власти. Вместе с тем звучавшие оценки "конца симфонии" акцентировали долго копившийся вопрос переопределения государственно-церковных отношений, параметры субъектности участников, формирующих данный институциональный дизайн, императивы политической метафизики и границ и форм присутствия религиозных смыслов. Среди обозначенного спектра ключевыми исследовательскими вопросами представляются два: структурирование многообразия форм возвращения религии в публичную сферу в казалось бы традиционном делении: Бог, вера с одной стороны и Церковь как институт и политические смыслы – с другой. Однако ситуация с COVID-19 изменила референты и породила новые референции, заставив обратиться к эпистемологическим ресурсам – поиску интерпретативных схем для новых конфигураций между религией, политикой и обществом, чья разнонаправленность предлагает шкалу неактуализировавшегося развития: как в сторону демократизации и сотрудничества, так и в сторону подавления или тотальных монологов.

Пандемия коронавируса обострила копившиеся годами противоречия между секулярным и религиозным в российском обществе; религиозный фактор внес больше противоречий, напряженной неопределенности и, подчас, конфликтности в общественный дискурс, чем моральной поддержки и успокоения в тяжелый со всех точек зрения период. В особенности это было заметно в первые, самые сложные месяцы нарастания эпидемии и отсутствовавших управленческих алгоритмов. Ограничительные меры, принимавшиеся светскими властями и иерархами церкви на первом этапе введения ограничений и правил социального дистанцирования, встретили резкую критику со стороны крайних сторонников секуляризма за их недостаточность и консервативных ортодоксов – за вмешательство государства в частную сферу и ограничение свободы совести. Такая критика звучала практически во всем мире. Причем пример Москвы и Санкт-Петербурга 2020 г. показал, что речь не только о том, что "коронакризис обозначил 'анклавы архаики' будь то дагестанские села или православные монастыри"[20], но и о том, что консервативных взглядов на модус религиозной жизни придерживаются также представители образованных и продвинутых слоев населения, жители столиц.

Отсутствие единства в дискурсивном осмыслении ситуации пандемии COVID-19 отражает неспособность как религиозных, так и секулярных институтов предложить если не удовлетворяющих всех научно и ценностно приемлемые объяснения, то хотя бы конвенциональные смыслы, оправдывающие резкие изменения институциональной и нормативной регуляции публичной и частной жизни. Предлагавшаяся религиозными субъектами идея "фундаментальной схизмы" и индивидуальной молитвы вызвала раскол в тех сообществах верующих, которые были негомогенны и до кризиса, более того, произошло жесткое вторжение политической сферы в области, ранее для нее закрытые, прежде всего – конфессиональную жизнь. Так, в Италии за богослужения в присутствии паствы были введены санкции вплоть до уголовной ответственности[21]. В России решение

[20] Медведев С. Искушение вирусом. – *Радио "Свобода"*. 03.06.2020. URL: https://www.svoboda.org/a/30648984.html (accessed 22.05.2021) (источник признан иностранным агентом).

[21] Фаустова М. Коронавирус вызвал осложнения у верующих. – *НГ-Религии*. 17.03.2020. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2020-03-17/9_483_covid19.html (accessed 22.05.2021).

закрыть храмы вызвало внутреннюю острую дискуссию в РПЦ[22], которая позднее получила дополнительный импульс ввиду сравнительно более высокой заболеваемости и смертности от COVID-19 в духовной и приходской среде, предопределив гипертрофированное внимание общества к очагам инфекции в знаковых монастырях (Троице-Сергиева лавра, Дивеевский монастырь) и храмах (Елоховский собор, смерти настоятелей и священников) РПЦ[23].

Другим дискурсивным ответом на вызов COVID-19, несущим политические акценты, стало то, что для большой части религиозного и светского сегментов коронавирус в момент своего драматического распространения предстал как отмеченная искомая "экзистенциальная угроза" для глобального переосмысления ценностей и модусов поведения в духе "ответственного развития". Например, реакция российских религиозных лидеров на COVID-19, которую они транслировали в публичное пространство, Р. Лункин назвал "мягким вариантом эсхатологии"[24]. Пандемия представлялась знаком неблагополучия, призывом к избавлению и очищению от грехов, но не предвестником конца света. Одновременно примеры солидарности и заботы о ближнем, которые явили общества по всему миру, позволили сделать выводы о забытом тренде гуманизации: впервые приоритет человеческого, а не финансового капитала был зафиксирован конкретными политическим решениями. С другой стороны, жертвой коронавируса стали устойчивые связи и отношения между людьми, целые общности оказались разделены или перестали существовать вследствие требований социального дистанцирования, это позволило Дж. Агамбену заявить: "ближний упразднен"[25]. В работе "Религия в эпоху социального дистанцирования: как COVID-19 открывает новые направления исследований" Дж. Бейкер настаивает, что "заметным последствием пандемии может стать дальнейшее продвижение ранее существовавших процессов приватизации религиозности. Даже для тех, кто продолжает дистанционно участвовать в своих религиозных общинах через опосредованное взаимодействие, неизбежно происходит качественный сдвиг в сторону приватизации религиозной практики" [Baker 2020: 363].

Социальное дистанцирование, индивидуальная молитва как единственный возможный вариант, уход религиозности в еще более частную сферу, обращение к опыту отшельничества для преодоления психологических трудностей самоизоляции[26], а также новые экзистенциальные и религиозные обрядовые практики (например, прощание и похороны в *Zoom*) – эти и другие вызовы, порожденные эпидемией коронавируса, для религиозных чувств и духовного состояния человека скорее формируют широкую вариативную шкалу непроявленных возможностей развития – онтологических, антропологических и функциональных, чем предлагают решения.

[22] Коронавируса в церковном уставе нет. Как целые епархии РПЦ бунтуют против решения патриарха закрыть храмы на Страстную неделю и Пасху. – *Meduza*. 14.04.2020. (Источник признан иностранным агентом).

[23] Памяти "почивших от коронавирусной инфекции и других причин епископов, церковно- и священнослужителей, монашествующих и некоторых мирян" посвящен онлайн-проект "Соборность" в *Facebook*. URL: https://www.facebook.com/sobornost.project (accessed 22.05.2021).

[24] Медведев С. Искушение вирусом. – *Радио "Свобода"*. 03.06.2020. URL: https://www.svoboda.org/a/30648984.html (accessed 22.05.2021) (источник признан иностранным агентом).

[25] Agamben G. Contagio. – *La Sopa de Wuhan: pensamiento contemporáneo en tiempos de pandemia*. 2020. P. 33. URL: https://www.elextremosur.com/files/content/23/23684/sopa-de-wuhan.pdf (accessed 22.05.2021).

[26] Малышев Т. Уроки самоизоляции от Гамсуна и Керуака. – *Год литературы*. 25.04.2020. URL: https://godliteratury.ru/public-post/uroki-samoizolyacii-ot-gamsuna-i-kerua (accessed 22.05.2021).

Границы онлайна и онлайн-границы: политизация религии

Обозначившаяся трансформация сложившихся коллективных религиозных практик, имплицирующая переопределение институционального статус-кво и подвергшаяся политизации, актуализировала выстраивающиеся вокруг нее концептуальные схемы "виртуализации" и "цифровизации" религии. Постоянно используемые данные концепты включают в себя большую палитру смыслов и феноменов, маркируемых как "явления современности" и интерпретируемых *ad hoc*. Центральной темой дискуссий последнего времени стало активное обсуждение практик религиозной жизни в онлайн-пространстве в условиях коронавируса и перспективы развития этого процесса: будет ли возврат в стены реальной церкви, в общину реальных единоверцев или качественный скачок в киберпространство? На Западе это выражается в формах, которые пока еще сложно представить в России. На наш взгляд, яркий пример – архиепископ Кентерберийский, рекламирующий в социальной сети *Instagram* приложение для смартфонов *Soultime* – "медитативную программу истинного отдыха для души", которая по сочетанию заложенных в нее компонентов очень напоминает "духовный хендмейд", индивидуализированный, но при этом стандартизированный (Д. Эрвье-Леже). Профессор Сиднейского университета А. Поссамаи называет это явление гиперреальной религией – новой формой духовности современного мира, созданной по принципу пазла (*pick up and mix*) [Possamai 2005].

Феномен перехода религии в пространство интернета отражен в работах С. О'Лири, которому принадлежит часто цитируемое сравнение появления интернета с эффектом от печатного станка [O'Leary 1996]. Религия и виртуальная реальность – большое и перспективное поле исследования, во многом еще нетронутое.

Религия сама часто представляется как некая виртуальная реальность, как синтез эмпирического и трансцедентального, порождающий некую новую действительность (вариант — измерение), отличную от физической [Петрова 2011: 180]. Оказываясь в цифровом измерении, она как бы обретает виртуальность в квадрате. Чаще всего ученые разделяют исследовательские объекты на: 1) традиционные религиозные организации, активно разворачивающие свое присутствие в интернете, и 2) культы, появляющиеся в интернете и не представленные в физической реальности. То есть предлагается разделять их на "два базовых типа религиозных ресурсов в сети: религии онлайн и онлайн-религии" [Галаева 2019: 35]. Последняя часто отождествляется с "виртуальной религией", в корне отличающейся от традиционного вероисповедания [Потеряева 2016]. По отношению к ней преобладают алармистские настроения: "Виртуальная религия исключает непосредственное общение между единоверцами, применяя методы информационного программирования, виртуальная религия не несет моральной ответственности за действия своих членов, а зачастую и юридической. Религия в пространстве интернет, оторванная от реальных религиозных сообществ и организаций, не только утрачивает свою традиционную терапевтическую, компенсаторную функцию, но напротив, ведет к утрате духовных оснований человеческого существования, провоцируя личностные кризисы, дестабилизируя личность, что, в конечном счете, может привести к дестабилизации общества в целом" [там же: 173]. Чаще всего они представлены как религиозные объединения в форме харизматических сект.

Нас же интересуют в этом контексте "религии онлайн". Цифровая реальность может предложить виртуальное отправление культа, кибермолитвы, онлайн-общение со священником, киберпаломничество и многое другое

[Медведева 2009: 73]. Они тоже претерпевают изменения под влиянием современности, новых технологий и трансформаций, происходящих с обществами. Как уже отмечалось, А. Поссамаи использует термин "гиперреальная религия" [Possamai 2005] для описания этих религий, смешанных с массовой культурой, утверждая, что они являются частью потребительской логики позднего капитализма и усиливаются растущим использованием интернета. В этой логике обречены развиваться все медиапроекты, претендующие на зрительский успех[27].

Те конфессии, которые и раньше довольно активно практиковали онлайн-форматы совместного отправления религиозных культов (протестанты, иудеи), активно продолжили эту деятельность в период режима самоизоляции. Для тех же конфессий, для которых работа в интернете традиционно была лишь вспомогательной, носила просветительский характер, масштабное распространение интернет-технологий во всех сферах деятельности религиозных организаций вызвало немало дискуссий, привлекших к себе внимание широкой общественности.

В Русской Православной церкви это выразилось наиболее ярко. Позиция РПЦ по поводу неконтролируемого развития и быстрого внедрения высоких технологий в жизнь человека традиционно критична и осторожна. Так, в 2013 г. был принят документ под названием "Позиция церкви в связи с развитием технологий учета и обработки персональных данных", где обозначена настороженная позиция в отношении развития управленческих IT-технологий, активно применявшихся в ряде регионов России. Например, в документе говорится: "в связи с тем, что обладание персональной информацией создает возможность контроля и управления человеком через различные сферы жизни (финансы, медицинская помощь, семья, социальное обеспечение, собственность и другое), возникает реальная опасность не только вмешательства в повседневную жизнь человека, но и внесения соблазна в его душу" [28].

В 2020 г. РПЦ была вынуждена пойти на меры, предлагаемые светскими властями, нарушая многовековые традиции: Святейший Патриарх Кирилл, хотя и не сразу, призвал верующих воздержаться от посещения храмов, приведя в пример жизнеописание христианской святой Марии Египетской, которая 47 лет провела в пустыне: по мнению патриарха, пример этой святой женщины свидетельствует о том, что спасти душу возможно и без посещения храма[29]. Однако то, с чем несколько смирилась официальная церковь, оказалось недопустимым для части верующих и отдельных клириков, для которых отступление от древних традиций неприемлемо. В качестве аргументации они использовали весьма туманные пророчества некоторых святых недавнего про-

[27] У РПЦ есть успешные медиапроекты: телеканал "Спас", радиостанция "Вера", интернет-портал "Правмир", подкаст "Православие.ру", приложения для смартфонов (11 приложений "Православный календарь" и 4 – "Православный молитвослов"), журнал "Фома", проекты для детей "Вопросы Веры и Фомы", иные проекты, ориентированные на широкую аудиторию и связанные с деятельностью митрополита Тихона Шевкунова, Владимира Легойды и других деятелей. Российские мусульманские медиапроекты также довольно активно развиваются: телеканал Аль-РТВ, радио "Азан", "Ватан", приложения для смартфонов "Исламский календарь", исламский молитвослов *Al-MathuratRus,* "Мусульманский гид Салам Мобайл", "Рамадан Мубарак" и др., подкасты *IslamHouse* и *MuslimCast*. Довольно много ресурсов в российском интернете представлено и по основам вероучения, календарю буддизма [Религия... 2019: 343; Религия... 2021: 44].

[28] Позиция Церкви в связи с развитием технологий учета и обработки персональных данных. – *РПЦ.* 04.02.2013. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/2775107.html (accessed 22.05.2021).

[29] Патриарх Кирилл призвал воздержаться от посещения храмов из-за коронавируса. – *Коммерсантъ.* 29.03.2020. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4307947 (accessed 22.05.2021).

шлого[30]. Таким образом, обращение к Священному Писанию и Священному Преданию включилось в политический арсенал институционального взаимодействия и легитимации субъектности религиозных институтов, подвергшихся атаке цифровизации социальности.

Особенно остро позиция неприятия управленческих решений власти и Патриархии рядом консервативно настроенных верующих и их духовных лидеров, которые в медийном пространстве стали называться "церковными COVID-диссидентами"[31], проявилась в период закрытия церквей накануне Пасхи 2020 г. и затем только усиливалась. Они сочли невозможным отказ от посещения храма во время главного праздника, отторжение у них вызывали и новые формы работы с паствой: замена служб "безблагодатными" видеотрансляциями, проведение покаяния, поминовения и других треб посредством гаджетов и социальных сетей. Стоит подчеркнуть и недоверие официальной церкви к цифровизации: глава РПЦ высказал опасение, что цифровые технологии могут использоваться для установления тотального контроля над личностью человека, а это, согласно Священному Писанию, ознаменует близкий конец света[32].

При этом удобство взаимодействия с церковью посредством интернет-технологий среди широких слоев населения пользуется все более растущим спросом. По данным, полученным из *Google Trends* на запрос "требы онлайн", в России абсолютный пик пришелся на 26 апреля 2020 г. в праздник Антипасхи, или Красной горки, и следующий за ним день поминовения усопших Радоница.

Тем не менее ряд ультраконсервативных деятелей и даже иерархов церкви резко высказались в отношении решений Патриархии, за чем последовал ряд решений (запрещение в служении и др.). Параметры "онлайн" резко политизировали сферу пересечения религии и общества в 2020 г., вызывав активность различных субъектов политического целеполагания[33]. Так, Движение "Сорок сороков" отметилось соответствующей инициативой: на его странице в социальной сети "ВКонтакте" был размещен призыв подписать петицию на имя президента РФ "Откройте храмы на Пасху!", в которой ре-

[30] Например, многие верующие говорили о предсказании преподобного Лаврентия Черниговского о том времени, когда "будут храмы с золотыми куполами стоять, а ходить при этом в Божии храмы будет нельзя" и все это будет "перед самым концом". Официальная церковь в споре с такими верующими стала действовать их же оружием. Например, вместо пророчества Лаврентия приводила предсказание преподобного Кукши, который предупреждал о времени, когда "надо будет запастись Артосом, антидором, просфорами и святой водой, потому как храмы будут действующими, но ходить в них будет нельзя". См. Что о коронавирусе говорили святые XX века. Беседа с архиепископом Феодосием (Снигиревым). – *Православие.ru*. URL: https://pravoslavie.ru/130278.html (accessed 22.05.2021).

[31] Коронавируса в церковном уставе нет. Как целые епархии РПЦ бунтуют против решения патриарха закрыть храмы на Страстную неделю и Пасху. – *Meduza*. 14.04.2020. (Источник признан иностранным агентом)..

[32] Глава РПЦ назвал тотальный цифровой контроль над личностью рабством. – *РИА Новости*. 07.01.2021. URL: https://ria.ru/20210107/patriarkh-1592228772.html (accessed 28.05.2021).

[33] Расхождения между либералами, центристами и ультраконсерваторами зримо оформились как внутри церковной иерархии, так и вокруг нее, что проявилось, например, в проведении "Собора православных мирян", объединившего COVID-диссидентов. Поляризация отношения к онлайн-границам религии сопровождается параллельной институциализацией. Подобные взгляды обсуждались в ходе Всероссийского семинара-совещания "Влияние пандемии коронавирусной инфекции на динамику религиозной ситуации в регионах". См. *Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Экспертный совет Федерального агентства по делам национальностей, Научно-образовательная теологическая ассоциация*. 15 января 2021 г. URL: https://nota-theology.ru/news/202101152691 (accessed 22.05.2021).

шение о “закрытии храмов на великий праздник Пасхи” названо “циничным оскорблением и антихристианским шагом”, а также “тяжким оскорблением и памяти предков, и нашей веры, и идеалов тысячелетней России”[34]. Петицию подписало немногим меньше 50 тыс. человек. Там же продвигался флешмоб #ХристосПоможет как коллективная акция собирающихся прийти в храм на Пасху. В противовес этому флешмобу официальные представители РПЦ приглашали принять участие во флешмобе #ОкнаПасхи, для чего в окнах квартир надо было выставить горящую свечу в знак солидарности с другими самоизолировавшимися в пасхальную ночь православными.

Следует отметить позицию мусульманских организаций, четко солидаризировавшихся с требованиями государства и в 2020, и в 2021 г., что позволило им набрать политического веса. Духовное управление мусульман РФ практически сразу предложило верующим совершать пятничный намаз в онлайн-режиме, организовав трансляцию пятничной проповеди и молитвы из Соборной мечети столицы. По мнению представился другой мусульманской организации, муфтия Альбира Крганова, “онлайн-трансляции доказывают, что нет границ общения с Богом. Дело не в закрытых мечетях. Вся Земля – мечеть. Главное – не закрывать себя перед Богом”[35].

Следует зафиксировать в качестве триггерной политической точки онлайн-религию (и, шире, проблему цифровизации) как поле столкновения традиции и современности в условиях большого вызова пандемии, политизировавшей и, как следствие, переопределившей взаимоотношения между религиозными институтами, акторами публичной политики и государства, а также формы государственно-конфессиональных отношений, уровень доверия и общественную стабильность. Это может привести как к “некоторой демократизации религиозной жизни и активизации участия верующих в деятельности гражданского общества” [Почта 2020: 567], так и к усилению контроля государства над религиозной сферой.

Заключение

Вызов глобального масштаба (пандемия COVID-19) подстегнул качественные изменения как внутри религии, так и на границах пересечения религии с публичными сферами. Среди звучащих философских и политических объяснений путей трансформации властных и ценностных конструкций наиболее острыми становятся интерпретации, в центре которых находятся религиозные, частные и публичные смыслы. При этом структура трансформаций пока не позволяет сделать однозначного вывода об изменении онтологии. Давление событийного полотна спровоцировало попытку сконцентрироваться на некоторых ключевых сюжетах, несущих потенциальную референтную базу для последующих теоретических построений и управленческих стратегий в параметрах институциональной связи “религия – политика – общество”. Таким образом, логика исследования предполагала изучение изменения религиозных коннотаций политики в условиях пандемии, несущего витальные, онтологиче-

[34] Откройте храмы на Пасху! Петиция Президенту России В.В. Путину. – *Citizen Go*. 14.04.2020. URL: https://citizengo.org/ru/rf/178484-otkroyte-hramy-na-pashu?utm_source=wa&utm_ medium=social&utm_content=typage&utm_campaign (accessed 22.05.2021).

[35] Намаз в кругу семьи. У мусульман начинается пост Рамадан. – *Российская газета*. Федеральный выпуск № 90 (8144). URL: https://rg.ru/2020/04/23/musulman-prosiat-ne-poseshchat-mecheti-v-ramadan-iz-za-koronavirusa.html (accessed 22.05.2021).

ские и аксиологические характеристики. В качестве ключевого тренда следует отметить политизацию, во многом выступающую аттрактором изменений социально-политических конструкций, включая институциональные параметры субъектности религиозных организаций, множественность ранее казавшихся гомогенными больших групп институционализированных верующих.

Столкновение традиции и современности в период пандемии имплицировало спектр экзистенциальных, социальных и политических последствий (включая вторжение политики в сферу исключительной компетенции религиозных институтов), вызывающих трансформацию легитимации последних, определение новых конфигураций в связке "религия – общество – государство" в параметрах изменений констант и референтов религии, религиозных практик, деятельности религиозных институтов. Проблема онлайн-границ и цифровизации религии очертила новую проблематику: "обнуление" ряда религиозных институтов и традиций [Смирнов 2019], возникновение новых форм религиозной жизни на основе современных информационных технологий, идеи, оформляющиеся в апокалиптический религиозный дискурс, связанный с отказом от государственных регламентаций, либо квазирелигиозный конспирологический дискурс, в том числе в параметрах "Великой перезагрузки", и формулирующий видение будущего.

DOI: 10.17976/jpps/2021.04.11

COVID-19 PANDEMIC CHALLENGE AND RELIGION: ONTOLOGY VS POLITICS

M.M. Mchedlova[1, 2], D.B. Kazarinova[1]

[1] Peoples Friendship University of Russia (RUDN University). Moscow, Russia

[2] Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

MCHEDLOVA, Maria Miranovna, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Head, Comparative Political Science Department, RUDN University; Principal Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, email: mchedlova-mm@rudn.ru; **KAZARINOVA, Daria Borisovna**, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor, RUDN University, email: kazarinova-db@rudn.ru

Mchedlova M.M., Kazarinova D.B. COVID-19 Pandemic Challenge and Religion: Ontology vs Politics. – Polis. Political Studies. 2021. No. 4. P. 148-162. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.11

Acknowledgements. The article is published in the framework of the RFBR grant № 20-011-31777 "Religious institutions in an era of social upheaval: strategies, transformation of legitimacy and society's expectations".

Received: 02.03.2021. Accepted: 29.05.2021

Abstract. A big challenge which the COVID-19 pandemic put the spotlight on was religion and specifically the deep foundations of religious meanings and religious institutions present in public spaces: in particular, the bases of their legitimacy, regulatory uncertainty, and the emergence of new practices and structures that are religious, multi-vector, and even diametrically opposed to public expectations. In the reflexive search for an answer to the COVID-19 challenge, there is more polemic than interpretive instrumentalization. In political pragmatics, there is more of an intrusion of politics into the previously closed religious sphere itself than the formulation of the principles of the new status quo of the secular and religious. The pandemic actualized the ratio of modern to traditional, translating this problem into the scope of the limits of applicability of online opportunities, blurring and changing the very essence of traditional religious practices and foundations. Numerous newly emerging numerous phenomena within the Church and in the space of its supporters have led to the traditional sociology of religion being questioned, insistently offering to pay attention to acquiring the relevance of approaches from other fields of religious knowledge; these are already seen in the logic of possible transformations, possibilities of splitting in the future, and the need for new tools, such as heterogeneity. Religious institutions in the context of the modern global

challenge demonstrate the blurring of direct subjectivity, while uncertainty implies a drift to various tactics of specific representatives, raising questions of ontology and stability. The diversity and ambiguity of the behavior strategies used by religious institutions, religious leaders, and religious practices in Russia actualize a pool of different trends that lead to different opportunities for redistributing the balance between religion, society, and politics, between Faith and institutions, and between axiology and modern pragmatics. The methodological message of the article is based on the recognition of the multidimensional multiplicity of forms of religious presence that are not reducible to a single explanatory scheme. It actualizes and complements many concepts of social development that have become ineffective and have a linear character. To verify speculative positions, the authors turned to the heuristic potential of discourse analysis, as well as to the formation of a reference base for the event series.

Keywords: big challenge, COVID-19, pandemic, transformation of religiosity, religious institutions, religious practices, state-confessional relations, online religion, virtual religion, ROC, religious leaders.

References

Baker J.O, Martí G., Braunstein R., Whitehead A.L., Yukich G. 2020. Religion in the Age of Social Distancing: How COVID-19 Presents New Directions for Research. – *Sociology of Religion*. Vol. 81. No. 4. P. 357-370. https://doi.org/10.1093/socrel/sraa039

Christianity and the Limits of Materiality. 2017. Ed. by M. Opas, A. Haapalainen. New York: Bloomsbury Academic.

Davie G. 2007. *The Sociology of Religion*. New York.

Douglas K.M. 2021. COVID-19 Conspiracy Theories. – *Group Processes & Intergroup Relations*. Vol. 24. No. 2. P. 270-275. https://doi.org/10.1177/1368430220982068

Lindquist G., Handelman D. 2011. Religion, Politics, and Globalization: The Long Past for a Grounding the Short Present. – *Religion, Politics, and Globalization*. New York.

Molteni F., Ladini R., Biolcati F., Chiesi A.M., Dotti Sani G.M., Guglielmi S., Maraffi M., Pedrazzani A., Segatti P., Vezzoni C. 2021. Searching for Comfort in Religion: Insecurity and Religious Behaviour during the COVID-19 Pandemic in Italy. – *European Societies*. Vol. 23. No. sup1. P. S704-S720. https://doi.org/10.1080/14616696.2020.1836383

O'Leary S. 1996. Cyberspace as Sacred Space: Communicating Religion on Computer Networks. – *Journal of the American Academy of Religion*. Vol. 64. No. 4. P. 781-808. https://doi.org/10.1093/jaarel/LXIV.4.781

Possamai A. 2005. *Religion and Popular Culture: A Hyper-Real Testament*. Peter Lang Publishing Group.

Schwab K., Malleret Th. 2020. *COVID-19: The Great Reset*. Geneva: World Economic Forum.

Galaeva Kh. 2019. Virtual'noe prostranstvo i religioznye organizatsii [Virtual Space and Religious Organizations]. – *Sotsial'naya real'nost' virtual'nogo prostranstva. Materialy I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Social Reality of Virtual Space. The I International Scientific and Practical Conference Proceedings]. Ed. by O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinin. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 33-38. (In Russ.)

Kapustin B. 2020. Civilization of Bluff. – *Russia in Global Affairs*. No. 3. (In Russ.) URL: https://globalaffairs.ru/articles/czivilizacziya-blefa/ (accessed 22.05.2021).

Lunkin R.N. 2020. Social and Political Consequences of the Pandemic for the Russian Orthodox Church. – *RUDN Journal of Political Science*. Vol. 22. No. 4. P. 547-558. (In Russ.) https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-547-55

Hervieu-Léger D. 2015. In Search of Certainties: The Paradoxes of Religiosity in Societies of High Modernity. – *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. No. 1. P. 254-268. (In Russ.)

Medvedeva E. 2009. The Problem of the Formation of Religious Identity in Cyberspace. – *Nauchnye vedomosti*. No. 8. P. 72-78. (In Russ.)

Mitrofanova A.V. 2019. Povsednevnye praktiki v tsifrovuyu epokhu – postanovka problemy [Everyday Practices in the Digital Age–Problem Statement]. – *Khristianstvo kak integriruyushchii faktor mirovoi kul'tury. Sbornik dokladov XXIV mezhdunarodnykh Kirillo-Mefodievskikh chtenii* [Christianity as an Integrating Factor of World Culture. The XXIV international Cyril and Methodius readings Proceedings]. Minsk: Christian Educational Center named after Saints Methodius and Cyril. P. 461-464. (In Russ.)

Petrova O. 2011. Religion in the Context of Virtual Reality. – *The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. No. 4. P. 179-183. (In Russ.)

Pochta Yu.M. 2020. State-Confessional Relations in Russia in a Pandemic: Challenges and Answers. –*RUDN Journal of Political Science*. Vol. 22. No. 4. P. 559-578. (In Russ.) https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-559-578

Poteryaeva E. 2016. Virtual'nye religii kak istochnik ugroz v sfere religioznoi bezopasnosti [Virtual Religions as a Source of Threats to Religious Security]. – *Strategii razvitiya sotsial'nykh obshchnostei, institutov i territorii. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Strategies for the Development of Social Communities, Institutions, and Territories. The II International Scientific and Practical Conference Proceedings]. Ekaterinburg: Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin. P. 172-175. (In Russ.)

Religiya v sovremennoi Rossii: konteksty i diskussii [Religion in Modern Russia: Contexts and Discussions]. 2019. Ed. by M.M. Mchedlova. Moscow: RUDN. (In Russ.)

Religiya v sovremennoi Rossii: konteksty i diskussii [Religion in Modern Russia: Events and Discourses of the Pandemic]. 2021. Ed. by M.M. Mchedlova. Moscow: RUDN. (In Russ.)

Smirnov M. 2019. Digitalization as "Zeroing out Religion". – *Pushkin Leningrad State University Bulletin*. No. 3. P. 137-146. (In Russ.)

Tsygankov A. 2020. Saving the Power: What to Rely on in the World Transition. – *Russia in Global Affairs*. No. 3. (In Russ.) https://globalaffairs.ru/articles/derzhava-miroperehod/ (accessed 22.05.2021).

Литература на русском языке

Галаева Х. 2019. Виртуальное пространство и религиозные организации. – *Социальная реальность виртуального пространства. Материалы I Международной научно-практической конференции*. Под ред. О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. Иркутск: Иркутский государственный университет. С. 33-38.

Капустин Б. 2020. Цивилизация блефа. – *Россия в глобальной политике*. № 3. URL: https://globalaffairs.ru/articles/czivilizacziya-blefa/ (accessed 22.05.2021).

Лункин Р.Н. 2020. Социально-политические последствия пандемии для Русской православной церкви: раскрытие внутреннего потенциала гражданской активности и социального служения. – *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. Т. 22. № 4. С. 547-558. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-547-558

Медведева Е. 2009. Проблема формирования религиозной идентичности в киберпространстве. – *Научные ведомости*. № 8. С. 72-78.

Митрофанова А.В. 2019. Повседневные практики в цифровую эпоху – постановка проблемы. – *Христианство как интегрирующий фактор мировой культуры. Сборник докладов XXIV международных Кирилло-Мефодиевских чтений*. Минск: Христианский образовательный центр имени Святых Мефодия и Кирилла. С. 461-464.

Петрова О. 2011. Религия в контексте виртуальной реальности. – *Вестник Поволжского института управления*. № 4. С. 179-183.

Потеряева Е. 2016. Виртуальные религии как источник угроз в сфере религиозной безопасности. – *Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий. Материалы II Международной научно-практической конференции*. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. С. 172-175.

Почта Ю.М. 2020. Государственно-конфессиональные отношения в России в условиях пандемии: вызовы и ответы. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. Т. 22. № 4. С. 559-578. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-559-578

Религия в современной России: контексты и дискуссии. 2019. Под ред. М.М. Мчедловой. РУДН, ФНИСЦ РАН. М.: РУДН.

Религия в современной России: события и дискурсы пандемии. 2021. Под ред. М.М. Мчедловой. РУДН; ФНИСЦ РАН. М.: РУДН.

Смирнов М.Ю. 2019. Цифровизация как "обнуление религии". – *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. № 3. С. 137-146.

Цыганков А. 2020. Сбережение державы: на что опереться в миропереходе. – *Россия в глобальной политике*. № 3. URL: https://globalaffairs.ru/articles/derzhava-miroperehod/ (accessed 22.05.2021).

Эрвье-Леже Д. 2015. В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого Модерна. – *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. № 1. С. 254-268.